

УДК 811.511.131'27

*Л.Л. Карнова***О СПЕЦИФИКЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО  
В ДИАЛЕКТАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

Осуществляется анализ особенностей имен числительных в северных диалектах удмуртского языка. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания северных удмуртов. Актуальность исследования определяется значимостью сведений о своеобразии удмуртских диалектов, распространенных в северном языковом ареале и имеющих недостаточное освещение в научной литературе. Особое внимание уделяется особенностям, которые являются характерными для североудмуртских диалектов, с одной стороны, и/или имеют ограниченное распространение в отдельных микросистемах исследуемых диалектов, с другой. Констатируется, что в указанных диалектах числительные в своей общей характеристике не проявляют больших отличий от нумеральных слов литературного языка. Освещаются особенности в фонетическом оформлении отдельных числительных. Отмечаются специфические явления в образовании и употреблении некоторых нумеральных слов. Также выявляется территориальная распространенность диалектных модификаций в области числительных в североудмуртском языковом ареале. Проводится последовательное сравнение языковых фактов североудмуртских диалектов с аналогичными явлениями других удмуртских говоров.

*Ключевые слова:* удмуртский язык, диалектная морфология, северные диалекты, числительное, диалектное варьирование.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-804-812

0. Проблема генезиса числительных и формирования счета в уральских языках, в том числе и пермских, находит достаточно подробное освещение в работах современных исследователей (см.: [12. С. 7-17; 13. С. 245-251; 23. С. 133-150; 24. С. 171-176; 25. С. 99-108; 26; 27. С. 43-54]). Среди появившихся в последнее время работ следует отметить монографическое исследование О.Б. Стрелковой «Имена числительные удмуртского языка. История и типология» [17]. Работа посвящена комплексному описанию категориальных особенностей имени числительного удмуртского языка в синхронии и ретроспекции с привлечением материалов родственных и неродственных языков. Отдельные аспекты, касающиеся проблем грамматических свойств удмуртского числительного, представлены в работах Г.А. Ушакова [20. С. 72-79], В.К. Кельмакова [6. С. 18-23], Р. Бартенс [22. С. 142-148] и др.

До настоящего времени в удмуртском языкознании среди исследователей нет единого мнения относительно классификации числительных по их составу (см. об этом подробнее: [6. С. 18-23; 17. С. 58-63; 20. С. 78-79]). В данном вопросе мы придерживаемся мнения О.Б. Стрелковой, которое нам представляется более обоснованным. Опираясь на результаты научных изысканий лингвистов в этом направлении (в частности, на работу Л. Хонти [23. С. 133]) и учитывая особенности удмуртских числительных, исследователь числительные удмуртского языка по их морфологическому составу классифицирует на три группы: «1) простые, состоящие из одного корня или имеющие какой-либо аффикс: *кык* ‘два’, *куи́нь* ‘три’, *ны́льдон* ‘сорок’, *куа́тетĥ* ‘шестой’; 2) сложные, образованные из двух и более основ: *куа́мын ны́ль* ‘тридцать четыре’, *кык сю укмы́стон куа́ть* ‘двести девяносто шесть’, *ви́ть-куа́ть* ‘пять-шесть’; 3) составные, включающие в свою структуру слова разных категорий: *куа́ть но лы́ны* ‘шесть с половиной’, *ви́тьтон ё́рос* ‘около пятидесяти’» [17. С. 63]. Сложные числительные, как отмечает О.Б. Стрелкова, предыдущими исследователями удмуртского языка рассматривались как составные. Выделение такой группы, по ее мнению, идет под влиянием традиций русского языкознания, где составными определяются числительные, которые «состоят из нескольких слов (двух или более), каждое из которых само является простым или сложным числительным: *двадцать пять*, *восемьсот тридцать восемь*» [15. С. 574]. Как далее отмечает исследователь, для указанных числительных характерны все черты, свойственные сложным словам – композитам, в частности: 1) целостность лексического значения элементов каждого числительного; 2) фиксированный порядок компонентов, изменение которого ведет к изменению значения сложного слова; 3) как и сложным словам, рассматриваемым числительным характерно одно главное ударение; 4) данные числительные при словоизменении, образовании новых форм выступают как одно слово, суффиксы при-

соединяются лишь к последнему компоненту; 5) элементы сложного числительного в предложении являются одним членом, их нельзя рассматривать, расчленив на отдельные слова. В качестве составных числительных О.Б. Стрелкова рассматривает числительные, включающие в свою структуру слова разных категорий. В частности, к этой группе исследователем отнесены дробные числительные (типа *кык но куинь дасмос* 'две и три десятых'), числительные приблизительного счета, имеющие в своем составе предлог *ог* 'примерно', а также послелого с аппроксимативной семантикой (*ог дасо* 'около десяти', *куамын пала* 'около тридцати') [17. С. 60-63].

Несмотря на наличие серьезных разработок по пермским числительным, в научной литературе до сих пор не получило должного освещения многообразие различий данного лексико-грамматического класса слов в удмуртском диалектном континууме. В связи с этим остается целый ряд вопросов, касающихся функционирования числительных, а также особенностей проявления их морфологических и синтаксических свойств в различных микро- и макросистемах удмуртского диалектного языка.

Данная работа посвящена описанию специфики функционирования имени числительного в диалектах северного наречия удмуртского языка. В пределах севернoudмуртского наречия выделяются три диалекта: верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий. Первые два распространены в восьми северных районах Удмуртской Республики (Ярском, Глазовском, Юкаменском, Балезинском, Красногорском, Кезском, Дебесском и Игринском районах). Население, говорящее на данных диалектах, проживает компактно, что создало условия для более равномерного развития языковых явлений в ареалах их распространения. Нижнечепецкий диалект сформировался в периферийной северо-западной зоне удмуртского языкового пространства и функционирует за пределами Удмуртской Республики в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском и Богородском р-нах Кировской области. Территориальная оторванность нижнечепецких удмуртов от основной массы удмуртского населения и проживание в иноязычном окружении привели к возникновению ряда различительных явлений в их языке.

Морфологическая система числительного диалектов северного наречия по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с морфологической системой числительного общенационального удмуртского языка. В то же время в сфере числительных севернoudмуртских диалектов существует определенная специфика в структуре, содержании, словообразовании, употреблении некоторых нумеральных слов. Охарактеризуем их.

1. В диалектах севернoudмуртского ареала в функционировании простых числительных некоторую особенность проявляет нижнечепецкий диалект. В частности, в данном диалекте фонетическим оформлением отличается числительное *ойик* 'один', возникшее из общеудмуртской формы числительного *одиг*. Примеры: сл. *ойиг мурт курас' вал монэ, ўактаз вал, урмис'*. НМоч. 'Один человек сватал меня, странный был, драчливый'; сл. *ойиг братмы вал, со но бриз войнаын бэ-з вэст'и*. Пас. 'Один только брат у нас был, и он пропал на войне без вести'; кос. *ойик цвэтокэ но к'вкл садам*. Ас. 'Ни одного цветка нет в саду моем'. Следует отметить, что в косинском говоре, наряду с формой *ойиг*, функционирует также форма *одиг*. Вариант *ойик* представлен также в бесермянском наречии [9. С. 106; 19. С. 207], в отдельных граховских говорах (дд. Лолошур-Возжи, Паново) собственно южного диалекта [1. С. 51], причем в последних он встречается также в составе термина родства *ужжойиг*. Первичной является форма *одиг*, которая в нижнечепецких говорах и в языке бесермян, по мнению Т.И. Тепляшиной, претерпела следующие изменения: под влиянием переднерядного гласного *и* предшествующий согласный *д* в определенный период развития языка смягчился, затем с течением времени произошло чередование мягкого согласного *д'* со среднеязычным *й*: *одиг* > *од'иг* > *ойик* [19. С. 207-208]. Возникновение формы *ойик* в нижнечепецких диалектах, по-видимому, обусловлено влиянием языка бесермян, переселившихся, по мнению М.Г. Атаманова, из среды граховских, кукморских, нижеижских, кизнерских (нижневятских) удмуртов.

Числительное *н'ил'* 'четыре', выступающее в данном оформлении в среднечепецком, верхнечепецком диалектах и слободском говоре нижнечепецкого диалекта, также в большинстве других удмуртских диалектов, в косинском говоре представлено в фонетическом варианте *н'ил'*. Примеры: кос. *сыкал пис'калтыны н'ил' часын цукна мыноно вал, нош из'эм потэ йэзит ад'амилэн*. Ок. 'Коров доить в **четыре** часа утра нужно было идти, а спать хочется молодому человеку'; кос. *н'ил' цоццэн мыним пруд дурэ*. Берез. '**Вчетвером** пошли мы к пруду'.

Числительные *к'ин'* 'три', *к'ят'* 'шесть', *к'амын* 'тридцать', представленные в данном фонетическом оформлении в большинстве удмуртских диалектов, в косинском говоре нижнечепецкого диалекта употребляются также в вариантах *квин'*, *кват'* и *квамын* соответственно. Примеры: кос. *квин' ар ужжай*

*сад'икын*. Берез. 'Три года работала я в садике'; кос. *кват' толыз' цожэлы кошкиз пийэ к а з а н'э ужаны*. Сиб. 'На шесть месяцев уехал мой сын в Казань работать'; кос. *кал' к о сын чэрыгало калык. квин' чэрыг тубыти мон но цукна*. Берез. 'Сейчас на [реке] Косе рыбачит народ. Три рыбы принес и я утром'. Следует отметить, что в речи современных носителей указанного говора формы числительных *квин'*, *кват'* и *квамын* встречаются довольно редко. В прошлом явление употребления *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* в нижнечепецком ареале имело более широкое распространение и охватывало бóльший круг лексем. В частности, оно имело место и в слободском говоре, на что указывают материалы Т.И. Тепляшиной [18. С. 171]. Следует отметить, что аналогичные формы числительного '6' с сочетанием *ква-* (*кват'*, *квайт*) функционируют во всех коми-зырянских диалектах (в вариантах *кват'*, *квайт*) [19. С. 150] и коми-пермяцком языке (в варианте *кватъ*) [2. С. 173]. Как считает С.А. Максимов, сочетание *кв-* (*ква-*, *кви-*) в начале слова вместо *кў-* (*кўа-*, *кўи-*) в нижнечепецких говорах возникло в результате процессов взаимодействия с коми населением [11. С. 276].

Числительное *т'амыс* 'восемь', функционирующее в данном оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено в форме *кйамыс*. Примеры: сл. *мыным, гыл'ыкэ, с'из'ымдас но кйамыс тырмиз н'и*. Пес. 'Мне, голубушка, **семьдесят восемь** [лет] исполнилось уже'; сл. *кйамыс курэгэ ўан' ик мынам*. Ом. '**Восемь** куриц всё же есть у меня'. Числительное *т'амыс* (*кйамыс*) восходит к общепермской древней форме \**k8kjamis* [8. С. 140]. По мнению Б.А. Серебренникова, палатализованное *t'* в начале слова в удмуртском языке могло возникнуть из сочетания *t'j*, которому предшествовала форма *kjamys*, появившаяся в быстрой речи [16. С. 22]. Отметим, что в коми-зырянском языке удмуртскому числительному *т'амыс* соответствует лексема *кккъямыс*. Мы полагаем, что в слободском говоре функционирование архаичной формы *кйамыс* также связано с влиянием коми диалектов.

2. В среднечепецком, верхнечепецком диалектах и косинском говоре нижнечепецкого диалекта, как и в удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, названия десятков от '40' до '90' образуются по модели «единица + формант *дон/-тон*»: сч. вч. *н'ыл'дон*, нч.: кос. *н'ил'дон* 'сорок'; сч. вч. нч.: кос. *вит'тон* 'пятьдесят'; сч. вч. *кўат'тон*, нч.: кос. *кўат'тон* ~ *кват'тон* 'шестьдесят' и т. д. Примеры: сч.: гл. *кукэ-соку улэ вал одиг ад'ами, й а ш а. солы н'ыл'дон арэсийос вал н'и*. Пышк. 'Когда жил один человек [по имени] Яша. Ему около **сорока** лет уже было'; вч.: зур. *одигэз нылы кўат'тон т'амысэ-ти арын вортскэмын*. Тур. 'Одна из моих дочерей в [тысяча девятьсот] **шестьдесят восьмом** году родилась'; нч.: кос. *вит'тон хоза-йство вал д'эрэвн'аын*. Берез. '**Пятьдесят** хозяйств насчитывалось в деревне'.

В отличие от этого, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дас/-тас*: *н'ыл'дас* 'сорок', *вит'тас* 'пятьдесят', *кўат'тас* 'шестьдесят', *с'из'ымдас* 'семьдесят', *т'амыстас* 'восемьдесят', *укмыстас* 'девяносто'. Примеры: сл. *пид'д'осыз кл'ок вис'о бабэлэн, арэскыз но ўан', т'амыстас но кўин'*. ВМоч. 'Ноги очень болят у моей свекрови, да и возраст у нее, **восемьдесят три** [года]'; сл. *пудо завод'из со. крол'икэз ог н'ыл'дас кал' солэн*. Пес. 'Скотину завела она. Кроликов около **сорока** сейчас у нее'.

Образование названия десятков с помощью форманта *-дас* от '70' до '90' имеет место практически во всех зырянских диалектах. Помимо этого, в южной группе зырянских диалектов (лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском) встречаются названия десятков '30', '40', '50', '60', которые также оформлены указанным компонентом *-дас* [14. С. 151]. Исследователь С.А. Максимов, оперируя данными письменных источников, отмечает, что в коми-пермяцком языке формант *-дас* представлен во всех названиях десятков, включая и число '20'. Ученый считает, что «коми-пермяцкая система названий десятков вместе с миграционной волной проникла в южные зырянские диалекты, а также в слободской говор удмуртского языка, в котором она является не архаичной, как полагают некоторые исследователи, а представляет собой суперстратное заимствование. Последнее могло иметь место в XVII в. в результате миграции коми на юг» [12. С. 11-12; 13. С. 250].

3. В образовании сложных числительных особенность проявляется также в том, что в слободском говоре нижнечепецкого диалекта в структурной группе от '40' и выше между наименованиями десятков и единиц вставляется сочинительный союз *но* 'и'. Примеры: сл. *н'ыл'дас но кык котыр солы*. Ом. 'Около **сорока двух** [лет] ему'; сл. *мыным вэт'эра-нской т'ро н'ыл' с'у кўат'тас но т'амыс*. Свет. 'Мне «ветеранские» выплачивают **четыреста шестьдесят восемь** [рублей]'. На функционирование подобных по своему строению числительных в нижнечепецком диалекте (точнее в слободском говоре

нижнечепецкого диалекта – Л.К.) в свое время обратила внимание еще Т.И. Тепляшина [18. С. 72]. Следует указать, что в материалах исследователя употребление союза *но* ‘и’ отмечается в названиях чисел второго десятка (между числительным *дас* ‘10’ и наименованием единиц: *дас но ойик* ‘одинадцать’, *дас но кык* ‘двенадцать’), в названиях сотен (между числительным, обозначающим число сотен, и числительным *сю* ‘сто’: *кык но сю* [*кык но с’у*] ‘200’, *квинь но сю* [*квинь но с’у*] ‘300’), также между сотнями и десятками (*сю но дас ойик* [*с’у но дас ойик*] ‘111’, *кык сю но квамьн ойик* [*кык с’у но квамьн ойик*] ‘231’) [18. С. 172-173]. Однако в наших материалах подобные структурные модели числительных с союзом *но* ‘и’ не нашли подтверждения: во всех обследованных населенных пунктах в ареале распространения слободского говора указанный союз появляется только в структурной группе числительных от ‘40’ и выше и исключительно перед наименованием единиц: *вит’дас но с’из’ым* ‘пятьдесят семь’, *с’у кыз’ но кык* ‘сто двадцать один’, *кык с’у н’ыл’дас но ойик* ‘двести сорок один’. Аналогичное явление отмечается в ижемском, печорском и вымском диалектах коми-зырянского языка [2. С. 135; 14. С. 151], где в составных числительных от ‘70’ (имеющих также в своей структуре компонент *-дас*) и выше между наименованиями десятков и единиц, между наименованиями сотен и десятков появляется соединительный союз *да*.

В отношении особенностей функционирования сложных числительных в структурной группе от ‘40’ и выше в слободском говоре нижнечепецкого диалекта следует сказать, что мы имеем дело с поздней инновацией, возникшей под влиянием коми диалектов.

4. Для обозначения ‘1000’ в севернoudмуртских диалектах наряду с лексемой *с’урс* широко используется русское числительное *ты: с’ача* (*ты: с’эча*). Диахронически лексема *с’урс* восходит к индоиранским заимствованиям [8. С. 275]. Примеры: сч.: юк. *мон вортски с’урс укмыс с’у кыз’ с’из’ым арън н о р г у р т гуртън, н о р г у р т шуо сойэ удморт с’амэн, ньуч с’амэн н о р о во шуо*. Ер. ‘Я родилась в **тысяча** девятьсот двадцать седьмом году в деревне Порово. Поргурт называют ее по-удмуртски, по-русски говорят Порово’; сч.: яр. *ты: с’ача рубл’эйэныд ма бас’тод кал’*. Бач. ‘**На тысячу** рублей что сейчас купишь’; вч.: деб. *пэ-рвой мынам пэн’с’и с’урс ман’эт да-жэ кй вал*. Ар. ‘Вначале моя пенсия даже **тысяча** рублей не была’; нч.: кос. *д’эвэт’ тыс’ачэн бас’ти вал та домэз*. Сиб. ‘За девять тысяч рублей купила было я этот дом’.

5. Одним из широко распространенных способов образования числительных приблизительного счета в удмуртском языке является сочетание количественных числительных с послелогом *котыр*, *мында*, *пала* со значением ‘около, приблизительно, примерно’, употребление которых не представляет единства в севернoudмуртском диалектном ареале. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах отмечается функционирование всех указанных послелогов, используемых для обозначения приблизительного счета: *т’амыс машина котыр* ‘около восьми машин’, *кык арн’а пала* ‘около двух недель’, *дас л’итра мында* ‘около десяти литров’. Помимо отмеченных послелогов, в косинском говоре нижнечепецкого диалекта приблизительная семантика приобретает с помощью послелога *дорэ* ‘приблизительно, примерно’. В верхнечепецком диалекте более широкое распространение имеют послелоги *пала*, *котыр*, а послелог *мында* встречается изредка. При этом послелоги в данных конструкциях в основном выступают после сочетания числительного с существительным, изредка – после числительного. Примеры: сч.: юк. *кыз’ ад’ами котыр пукс’из актобусэ*. Кельд. ‘**Около двадцати** человек село в автобус’; сч.: гл. *с’има сотиз, кык суз’ мында луоз, дыр*. Аг. ‘Семечек дал он, **около двух** горстей будет, наверное’; вч.: зур. *дас одиг пала машина з’эрно нулло, мукэтийосыз рэмонтын сыло*. Тур. ‘**Около одинадцати** машин зерно возят, остальные в ремонте стоят’; нч.: сл. *кык л’итра мында йклзэ с’отэ ман’айэ*. Пес. ‘**Около двух** литров молока дает [коза] моя Маня’; нч.: кос. *вал’л’ос лачак вал татын, вит’тон дорэ набра-цца кариз вал вал’л’ос*. Берез. ‘Лошадей много было здесь, **около пятидесяти** набиралось лошадей’.

6. В удмуртском языке дробные числительные образуются сочетанием количественных числительных, одно из которых представляет собой числитель, другое – знаменатель. К числительному, являющемуся знаменателем, присоединяется формант *-мос*. Северным диалектам подобные формы выражения дробных числительных не свойственны. Носители исследуемых диалектов дробные величины чаще всего выражают описательно. Примеры: сч.: гл. *кыкэз вит’ л’укэтлы л’укъя трос-а бэн ус’э?* Дёб. ‘**Два на пять частей** разделив много ли выходит?’; вч.: зур. *одик суқыри н’ан’эс т’амыс ад’амилы лукис’ком вал*. Лоз. ‘**Один** каравай хлеба **на восьмерых** человек делили’.

Описательный характер выражения дробных числительных отмечен исследователями также в кукморском, красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта, прикильмезских срединных го-

ворах [4. С. 107; 7. С. 131-132]. В бесермянском наречии, по данным Т.И. Тепляшиной, дробные числительные имеют формант *-мэс* на месте *-мос* удмуртского литературного языка [19. С. 211]. В кукморском говоре для выражения знаменателя дроби используется порядковое числительное [7. С. 134].

Смешанные дроби в северных диалектах представлены лишь половинными долями – со словом *лыны* ‘половина’, например: сч.: гл. *кык но лыны час мон тьньд с'отъс'ко*. Тук. ‘**Два с половиной** часа я даю тебе’; вч.: зур. *кык но лыны килограм йаблок толон бас'ти но, шкмзы во-кс'о к'вкл, картошка но картошка*. ОИр. ‘**Два с половиной** килограмма яблок вчера купила я, и вкуса совсем нет, картошка картошкой’; нч.: кос. *татын куйн' но лыны кило нэ пиз'эз кыл'из на*. Ок. ‘Здесь всего **три с половиной** килограмма муки осталось уже’. Остальные дробные величины не характерны для смешанных дробей.

Морфологический способ выражения дробных значений не совсем свойственен финно-угорским языкам. Как отмечает коми исследователь Г.В. Федюнева, именно отсутствие изменения морфологической формы слова для образования дробных числительных усложняет их трактовку для исследователей коми языка [21. С. 29].

7. В севернoudмуртских диалектах собирательные числительные образуются от количественных числительных посредством присоединения суффиксов *-на* и *-из*, последний из которых представляет собой выделительно-указательный суффикс (ударение при этом всегда падает на суффикс *-на-*). Примеры: сч.: гл. *кыкна-из пайосыз калгыны мыно*. Труб. ‘**Оба** его друга идут гулять’; вч.: зур. *куйн'на-из эийосыз быризы*. Лоз. ‘**Все три** его друга погибли’; вч.: деб. *куйн'на-из братйосы д'эрэвн'ын уло*. Сюр. ‘**Все три** моих брата в деревне живут’; нч.: сл. *со кышномуртлэн кыкна-из картэз кулэмьн, огн'аз кал' улэ*. Ом. ‘У той женщины **оба** мужа **ее** умерли, одна сейчас живет’; нч.: кос. *кына-из тиналыз солэн улэ к и р о вын*. Берез. ‘**Оба** сына **ее** живут в Кирове’.

В среднечепецком и верхнечепецком диалектах, как показывают наши материалы, собирательные числительные могут употребляться и без выделительно-указательного суффикса *-из*. Примеры: сч.: гл. *монэ аньъса, со кыкна кыныыз ик шаназ мыным*. ВБог. ‘Увидев меня, он **обеими** руками помахал мне’; сч.: гл. *парс'ни н'ыл'на пудунуз тус'э пуриз*. ‘Поросенок **всеми** **четырьмя** ногами залез в корыто’ [10. С. 129]; вч.: деб. *н'ыл'на сэрэгийосмэ паз'ай со свйатой вуэн*. Котег. ‘**Все** **четыре** угла своего [дома] побрызгала я той святой водой’. Эта особенность в употреблении собирательных числительных в среднечепецком диалекте в свое время была отмечена еще С.А. Максимовым [10. С. 129; 13. С. 255]. Подобное явление имеет место и в бесермянском наречии [19. С. 212]. В других удмуртских диалектах функционирование вышеупомянутых усеченных форм собирательных числительных не зафиксировано. Аналогичная форма бытования слов с суффиксом *-нан* без притяжательных формантов отмечается в коми диалектах [2. С. 100]. По мнению С.А. Максимова, ареал среднечепецкого, верхнечепецкого диалектов и бесермянского наречия является зоной консервации описываемых форм числительных. Исследователь также считает возможным, что консервации могли способствовать в какой-то степени поздние связи среднечепецких удмуртов с коми-пермяками [13. С. 257]. В данном вопросе мы солидарны с озвученным мнением.

В севернoudмуртских диалектах с семантикой собирательности активно функционируют сочетания количественных числительных с послелогоми *мошэн* (~ *моцэн*) и *куз'а*, выражающими значение ‘вместе, совместно’. Для нижнечепецкого диалекта, также для ярского и юкаменского говоров среднечепецкого диалекта характерным является употребление конструкции с послелогом *мошэн* (~ *моцэн*). В верхнечепецком диалекте преимущественно используются сочетания числительного с предлогом *куз'а*. В отличие от этого, в ареале распространения глазовского и бalezинского говора среднечепецкого диалекта отмечается параллельное функционирование сочетаний с послелогом *куз'а* и *мошэн*. Примеры: сч.: юк. *ми вит' мошэн кэ вал, кэкэз гинэ поти-зъ*. Пор. ‘Если нас **пятеро** было [в лесу], только двое выбрались’ [5. С. 369]; сч.: яр. *соос н'ил' моцэн ужало картош бордын*. Боз. ‘Они **вчетвером** работают на [уборке] картофеля’; нч.: кос. *ми куйн' моцэн городэ дышэтскыны мыним*. Сиб. ‘Мы **втроем** в город учиться поехали’; вч.: зур. *туннэ ваз' цукна ик вит' куз'а кинйос кэ кошкызы ни эмэз'аны б а нь нь ы м с'ик пала, оо-кин вал, кй то-дма*. Тур. ‘Сегодня рано утром же **пять человек** кто-то уже ушли за малиной в сторону Большого леса, кто был, не узнала я’; сч.: бал. *н'ыл' куз'а но со корэз лутын кз во-рмэ*. Куз. ‘**Вчетвером** даже это бревно поднять не смогли они’; сч.: бал. *кэз' мошэн лъкты-зъ курань гинэ*. Мыр. ‘**Двадцать человек** пришли только сватать’.

Следует подчеркнуть, что в ареале северных диалектов наиболее распространенной формой выражения собирательных числительных является аналитический тип. Конструкции с послелогом

*мошэн* (~ *чоэн* ~ *т'ошэн*) свойственны также бесермянскому диалекту [9. С. 108; 19. С. 210], кукморскому и шошминскому южноудмуртским говорам. В большинстве удмуртских диалектов с семантикой собирательности функционирует сочетание количественного числительного с послелогом *куз'а*.

8. В северноудмуртских диалектах порядковые числительные образуются от соответствующих количественных (кроме *одиг* 'один') с помощью суффикса *-эт'и* (*-эти*), который в сложных числительных примыкает лишь к последнему слову. Порядковые числительные с суффиксом *-эт'и* (согласный *т* палатализуется перед переднерядным гласным *и*) характерны для говоров среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, а с показателем *-эти* – для верхнечепецкого диалекта (ударение при этом всегда падает на первый слог суффиксального показателя): сч. нч. *вим'э-т'и*, вч. *вим'э-ти* 'пятый'; сч. нч. *т'амысэ-т'и*, вч. *т'амысэ-ти* 'восьмой'; сч. нч. *дасэ-т'и*, вч. *дасэ-ти* 'десятый'. Примеры: сч.: гл. *кыкэ-т'и арзэ мон огн'ам улис'ко*. Мит. 'Второй год я живу одна'; вч.: зур. *двойу-родной братэ кўат'э-ти этажын улэ*. Кабач. 'Мой двоюродный брат на **шестом** этаже живет'; нч.: кос. *кўин'мэ-т'и нуналаз башланги йуо. башлангиын жэн'ихлэн гинэ луо*. Сиб. '**На третий** день [свадьбы] «*башланги*» пьют. На *башланги* только родня жениха присутствует'. Следует отметить, что в северо-западном кусте бализинского говора среднечепецкого диалекта (дд. ВЛюк. Воз. Куз.), граничащего с верхнечепецкими говорами, чаще функционирует вариант *-эти*, что обусловлено влиянием последних: *н'ыл'э-ти* 'четвертый', *укмысэ-ти* 'девятый'.

9. Отличительной чертой диалектов описываемого ареала является то, что их носители довольно часто при счете до десяти употребляют русские порядковые числительные: *пэ-рвой* 'первый', *торой* ~ *фторой* 'второй', *трэ-т'т'эй* ~ *трэ-т'т'ой* 'третий', *чэт'во-ртой* ~ *чэчво-ртой* ~ *чэчвйо-ртой* ~ *чэтвйо-ртой* ~ *чэт'вйо-ртой* ~ *чэтво-ртой* ~ *чэд'вйо-ртой* 'четвертый', *пйа-той* ~ *пйа-тый* 'пятый', *шэстой* ~ *шэштой* ~ *шкстой* ~ *шкштой* 'шестой', *с'эд'мой* 'седьмой', *вос'мой* 'восьмой', *дэвйа-той* ~ *дэвйа-тый* 'девятый', *д'эс'а-той* ~ *д'эс'а-тый* 'десятый'. Примеры: сч.: гл. *с'эд'мо-ва йанварэ кутскэ в о ж о*. Лек. '**Седьмого** января начинается Рождество'; вч.: зур. *мамайэ вос'мой кварт'ирын улэ*. СШАд. 'Моя мама живет в **восьмой** квартире'; нч.: сл. *мон колхозэ ужаны вэтти чэд'вйо-ртой классыс'эн эшио*. ВМоч. 'Я в колхоз ходила работать еще с **четвертого** класса'.

Следует остановиться еще на одной особенности в области числительных, которая проявляется в том, что на современном этапе в северных диалектах, вследствие непосредственного контакта удмуртского и русского населения, удмуртские числительные начинают заменяться русскими числительными. Это характерно для речи не только молодого поколения, но и старшего. Особенно часто русские числительные употребляются при обозначении времени, даты, возраста, денежных единиц, стоимости предмета, веса, температуры, площади, оценок учащихся и т. д. Используя русский счет, носители северных диалектов употребляют не только заимствованные числительные, но и вводят в свою речь целые конструкции, которые оформляются по модели русского языка. К примеру, довольно часто встречаются сочетания типа числительное плюс существительное. Примеры: сч.: юк. *дойаркайън мон д'э-вэт' л'эт ули*. Ер. 'Дояркой я **девять лет** проработала'; вч.: зур. *шэйс'ат вос'мой год мон ачим, мужикэ шэйс'ат пйа-тый*. Тур. 'Я сама **шестьдесят восьмого** года [рождения], муж мой **шестьдесят пятого** [года рождения]'; нч.: сл. *д'эн' рождэ-н'н'а мынам вал, гыл'ыкэ, тан' шкй'с'ат д'э-вэт' л'эт тырмиз*. Ом. 'День рождение у меня было, голубушка, вот **шестьдесят девять лет** исполнилось'; нч.: кос. *два-цэт' пэ-рвой йанварэ имвожойэз кэл'ас'ком вал. кырһал'л'ам, шыдылим сокы*. Ок. '**Двадцать первого января** Святки провозжали мы. Пели, **играли** мы тогда'. Функционирование заимствованных из русского языка числительных отмечается в бесермянском наречии [9. С. 109], в прикильмезских говорах, относящихся к срединным говорам удмуртского языка [4. С. 12]. Аналогичное явление широко представлено также в коми-зырянских [14. С. 157-158] и коми-пермяцких диалектах [2. С. 175; 3. С. 134].

Таким образом, приведенный языковой материал дает основание утверждать, что в современных диалектах северноудмуртского языкового ареала обнаруживаются определенные отличительные явления в системе имен числительных. На междиалектном уровне различия проявляются как в фонетическом оформлении, так и в словообразовательной модели и морфологической структуре отдельных групп нумеральных слов. Анализ материала позволяет также заключить, что из обследованных трех северных диалектов в функционировании числительных больше различий проявляет нижнечепецкий диалект. Наличие комплекса специфических черт в указанном диалекте обусловлено, прежде всего, этногенетическими и миграционными процессами, происходившими в нижнечепецком регионе. Вариативность в формообразовании числительных в удмуртском диалектном континууме свидетельствует об инновационных процессах в их становлении и развитии.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) удмуртские диалекты и говоры: бал. – бalezинский говор среднечепецкого диалекта; вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта; деб. – дебесский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зурицкий говор верхнечепецкого диалекта; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта; яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населенные пункты по северноудмуртским диалектам:

*верхнечепецкий диалект*

Удмуртская Республика: Ар. – д. Ариково, Дебесский р-н; Кабач. – д. Кабачигурт, Игринский р-н; Котег. – д. Котегурт, Дебесский р-н; Лоз. – д. Лозолок, Игринский р-н; ОИр. – д. Оник-Ирым, Игринский р-н; СШад. – д. Среднее Шадбегово, Игринский р-н; Сюр. – д. Сюрногурт, Дебесский р-н; Тур. – д. Турнес, Дебесский р-н;

*нижнечепецкий диалект*

Кировская область: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Слободской р-н; НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Слободской р-н; Ок. – пос. Октябрьский, Зуевский р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паслоково, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н;

*среднечепецкий диалект*

Удмуртская Республика: Аг. – д. Агриколь, Красногорский р-н; Бач. – д. Бачумово, Ярский р-н; Боз. – д. Бозино, Ярский р-н; ВБог. – д. Верхняя Богатырка, Глазовский р-н; ВЛюк. – д. Верх-Люкино, Бalezинский р-н; Воз. – д. Возеншур, Бalezинский р-н; Деб. – с. Дебы, Красногорский р-н; Ер. – д. Ертем, Юкаменский р-н; Кельд. – д. Кельдыки, Юкаменский р-н; Куз. – д. Кузем, Бalezинский р-н; Лек. – д. Лекшур, Глазовский р-н; Мит. – д. Митино, Глазовский р-н; Мыр. – д. Мыртыково, Глазовский р-н; Пышк. – д. Пышкец, Глазовский р-н; Труб. – д. Трубашур, Глазовский р-н; Тук. – д. Тукташ, Красногорский р-н.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманов М.Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45-96.
2. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
3. Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
4. Загуляева Б.Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.
5. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
6. Кельмаков В.К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 18-24.
7. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
8. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
9. Люкина Н.М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
10. Максимов С.А. Ареальные морфологические параллели в пермских языках // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 1999. С. 127-132.
11. Максимов С.А. О коми заимствованиях в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 2016. Т. 52, № 2. С. 111-121.
12. Максимов С.А. Числительные в пермских языках: прошлое и настоящее // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, вып. 3. С. 7-17.
13. Максимов С.А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
14. Попова Р.П., Сажина С.А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014. 272 с.
15. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
16. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 392 с.
17. Стрелкова О.Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Удм. ун-т, 2013. 238 с.
18. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.

19. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
20. Ушаков Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртия, 1982. 144 с.
21. Федюнова Г.В. Местоимения и числительные (опыт новой интерпретации в свете создания научной грамматики коми языка). Сыктывкар, 1990. 60 с.
22. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238).
23. Honti L. Uralilaisten kardinaalilukusanonjen rakenteista // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. Helsinki, 1987. Vol. 81. S. 133-150.
24. Honti L. Permiläiskielten '8' ja '9' // Virittäjä. Helsinki, 1988. S. 177-176.
25. Honti L. Die Bezeichnungen der 10 und ihrer Vierfachen in den uralischen Sprachen // Linguistica Uralica. Tallinn, 1990. Vol. 26. Issue 2. S. 99-108.
26. Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // FUF. Helsinki, 1997. Bd. 54, H. 1-2. S. 1-126.
27. Napol'skikh V.V. Uralic Numerals: is the evolution of numeral system reconstructable? (Reading new Václav Blažek's book on numerals in Eurasia) // Linguistica Uralica. Tallinn, 2003. Vol. 39. Issue 1. P. 43-54.

Поступила в редакцию 28.04.2020

Карпова Людмила Леонидовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник  
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр  
Уральского отделения Российской академии наук»  
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»  
426034, Россия, Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)  
E-mail: karpovalud@rambler.ru

*L.L. Karpova*

#### **ON THE SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF THE NUMERALS IN THE NORTHERN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-804-812

The paper aims to analyze features of the numerals in the Northern dialects of the Udmurt language. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Northern Udmurt. The relevance of the study is determined by the importance of information about the originality of the Udmurt dialects, common in the Northern language area and having insufficient coverage in the scientific literature. The paper highlights specific features of the Northern Udmurt dialects on the one hand and features with limited diffusion in certain microsystems of studied dialects on the other. The study demonstrates that general characteristics of the numerals in these dialects do not show great differences from those of literary language. The author focuses on features that are highlighted in the phonetic design of individual numerals. Specific phenomena in the formation and use of certain numbering words are noted. The territorial prevalence of dialect modifications of the numerals in the Northern dialect space of the Udmurt language is also revealed. Consistent comparison of the language facts of Northern Udmurt dialects with similar phenomena in other dialects of Udmurt is made.

*Keywords:* Udmurt language; dialectal morphology; Northern dialects; numeral; dialectal variation.

#### REFERENCES

1. Atamanov M.G. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtskogo narechiya [Grakhovsky subdialects of the Southern Udmurt dialect] // Materialy po udmurtskoi dialektologii: obratzsy rechi [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. P. 45-96. (In Russian).
2. Batalova R.M. Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russian).
3. Batalova R.M. Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki) [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. (In Russian).
4. Zagulyaeva B.Sh. Prikil'mezskie govory udmurtskogo yazyka [Kilmez subdialects of the Udmurt language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Tartu, 1980. 16 p. (In Russian).
5. Karpova L.L. Srednechepetskii dialect udmurtskogo yazyka: obratzsy rechi [The Middle Cheptsä dialect of the Udmurt language: Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. (In Russian).



6. Kel'makov V.K. O slozhnykh chislitel'nykh v sovremennom udmurtskom yazyke [On complex numerals in the modern Udmurt language] // Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka [Issues of Udmurt grammar]. Izhevsk, 1984. P. 18-24. (In Russian).
7. Kel'makov V.K. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. (In Russian).
8. Lytkin V.I., Gulyaev E.S. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. (In Russian).
9. Lyukina N.M. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan [Phonetic and morphological features of the language of Lekminsky and Yundinsky Besermyans]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. (In Russian).
10. Maksimov S.A. Areal'nye morfologicheskie paralleli v permskikh yazykakh [Areal morphological parallels in the Permic languages] // Permistika 7: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami [Permistika 7: Dialects and history of the Permic languages through interaction with other languages]. Syktyvkar, 1999. P. 127-132. (In Russian).
11. Maksimov S.A. O komi zaimstvovaniyakh v udmurtskom yazyke [On Komi borrowings in the Udmurt language] // Linguistica Uralica. Tallinn, 2016. Vol. 52, Issue 2. P. 111-121. (In Russian).
12. Maksimov S.A. Chislitel'nye v permskikh yazykakh: proshloe i nastoyashchee [Numerals in the Permic languages: the Past and the Present] // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. Vol. 11, Issue 3. C. 7-17. (In Russian).
13. Maksimov S.A. Severnoudmurtsko-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. (In Russian).
14. Popova R.P., Sazhina S.A. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyj aspekt issledovaniya) [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. (In Russian).
15. Russkaya grammatika [Russian grammar]. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 784 p. (In Russian).
16. Serebrennikov B.A. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov [Historical morphology of the Permic languages]. Moscow, 1963. 392 p. (In Russian).
17. Strelkova O.B. Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka. Istoriya i tipologiya [Udmurt numerals. History and typology]. Izhevsk: Udmurt university Publ., 2013. 238 p.
18. Teplyashina T.I. Nizhnechepetskie govory severnoudmurtskogo narechiya [The Lower Cheptsu subdialects of the Northern Udmurt dialect] // Zapiski [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. P. 156-196. (In Russian).
19. Teplyashina T.I. Yazyk besermyan [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russian).
20. Ushakov G.A. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazykov [Comparative grammar of Russian and Udmurt languages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1982. 144 p. (In Russian).
21. Fedyuneva G.V. Mestoimeniya i chislitel'nye (opyt novoi interpretatsii v svete sozdaniya nauchnoi grammatiki komi yazyka) [Pronouns and numerals (experience of a new interpretation in the light of the creation of the scientific grammar of the Komi language)]. Syktyvkar, 1990. 60 p. (In Russian).
22. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238). (in Finnish).
23. Honti L. Uralilaisten kardinaalilukusanonjen rakenteista // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. Helsinki, 1987. Vol. 81. S. 133-150. (in Finnish).
24. Honti L. Permiläiskielten '8' ja '9' // Virittäjä. Helsinki, 1988. S. 177-176. (in Finnish).
25. Honti L. Die Bezeichnungen der 10 und ihrer Vierfachen in den uralischen Sprachen // Linguistica Uralica. Tallinn, 1990. Vol. 26. Issue 2. S. 99-108. (In German).
26. Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // FUF. Helsinki, 1997. Bd. 54, H. 1-2. S. 1-126. (In German).
27. Napol'skikh V.V. Uralic Numerals: is the evolution of numeral system reconstructable? (Reading new Václav Blažek's book on numerals in Eurasia) // Linguistica Uralica. Tallinn, 2003. Vol. 39. Issue 1. P. 43-54. (in English).

Received 28.04.2020

Karpova L.L., Doctor of Philology, Senior Research Associate  
 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences  
 T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067  
 Udmurt State University  
 Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034  
 E-mail: karpovalud@rambler.ru